

Дубнов – выдающийся историк еврейского народа К 70-летию со дня гибели Семена Марковича Дубнова

Иосиф Лахман

Восьмого декабря 1941 года нацисты и их латышские приспешники провели одну из первых акций по ликвидации рижского гетто. В числе её жертв оказался выдающийся еврейский историк, публицист и общественный деятель Семен Маркович Дубнов. Очевидцы рассказывают, что Дубнов, которому было к тому времени без малого 81 год, оказался слишком слабым, чтобы дойти до места расстрела – Румбольского леса под Ригой, и убийцы застрелили его на территории гетто. Последние слова Дубнова перед смертью были обращены к своим соплеменникам на идиш: «Идн, шрайбт ун фаршрайбт». («Евреи, пишите, всё записывайте!»).

Дубнов сам всю жизнь, начиная с юношеских лет, «писал и записывал», оставив после себя огромное литературное наследство. Будучи многогранной личностью, он проявил себя как историк, общественный деятель, мемуарист, литературный критик. Основные труды Дубнов написал на русском языке, который он, родившийся в небольшом городе Мстиславль, Могилевской губернии, начал осваивать лишь в 13 лет. До этого его родными языками были идиш и иврит.

Дубнов – историк еврейского народа

Семен Дубнов, прежде всего, прославился как глубокий и оригинальный исследователь многовековой истории еврейского народа. Со своим народом он в своих исследованиях прошёл путь в четыре тысячи лет. На этом пути были формирование и разрушение еврейской государственности, восстания и войны, изгнания и скитания по чужим странам, создание неопределимых духовных ценностей. Все эти события историк скрупулёзно исследовал и тщательно отобразил в своих научных трудах.

В отличие от расхожего мнения, будто история учит тому, что ничему не учит, Дубнов утверждал, что у прошлого надо учиться. Он утверждал, что к истории надо относиться как к опыту. Как отмечает один из биографов Дубнова, история в самом глубоком и подлинном смысле была для него, по известному латинскому изречению, *Historia magistra vitae* – ориентиром в делах житейских, нравственных и политических. Эпиграфом к своему научному труду Дубнов избрал слова Цицерона: «Не знать истории – значит постоянно быть младенцем».

Свою миссию историка Семен Дубнов осознал довольно рано. Двадцатидвухлетним юношей, в 1881 году, он опубликовал в журнале «Русский еврей» первую свою статью «Несколько моментов из истории развития еврейской мысли». В 22 года Дубнов стал регулярно печатать свои исторические статьи в еврейском журнале на русском языке «Восход». В 27-летнем возрасте признался, что ощутил тягу к большим темам еврейской истории. В дневнике от 1892 года Дубнов окончательно формулирует своё призвание: «Моя цель жизни выяснилась – распространение исторических знаний о еврействе и специальная разработка истории русских евреев. Я стал как бы беспредельно преданным миссионером истории». Избрав область своих исследований, Дубнов до конца жизни был верен этому призванию. «Для меня историческая работа – и пища, и воздух, без которого задыхаюсь. Никакой заслуги здесь нет, а просто акт самосохранения души».

Дубнов по праву считается одним из создателей **научной** истории еврейского народа. Он сформулировал и применил новый подход к изучению всемирной истории евреев, назвав его социологическим.

В чём состояло новаторство его исторических исследований?

До Дубнова в еврейской историографии господствовали теологические концепции. Историки рассматривали евреев в основном как религиозную общность, т.е. считали, что единственным звеном, связывающим евреев как единый народ, является религия. Такая концепция была во многом верна до периода рассеяния. Утратив своё государственно-территориальное существование, считает Дубнов, еврейство сохранилось лишь потому, что осталось народом духовным, «нацией культурно-исторической среди наций политических». Это означает, что не только религия и даже не столько она объединяет в течение столетий евреев всего мира как народ. Главным фактором сохранения еврейства как общности являются многообразные духовные нити, которые, сплетаясь, по выражению выдающегося нашего современника Адина Штейнзальца, «образуют некую коллективную еврейскую структуру». Дубнов среди всех факторов, объединяющих евреев, важнейшим считал самосознание. «Самосознание нации, - писал он, - есть главнейший критерий её существования».

Дубнов настаивал на том, что «объектом научной историографии должен быть народ, национальный индивидуум, его возникновение, рост и борьба за существование». Он подвергает резкой критике Маркса, который в основу всех исторических процессов положил борьбу экономических интересов. «Пора понять, - пишет Дубнов, - что жизнь народов определяется целым комплексом материальных, психических и духовных факторов: интересами, идеями, верованиями, чувствами и страстями – религиозными, политическими, национальными и экономическими, которые в течение тысячелетий в различных сочетаниях определяли жизнь человечества».

Ценнейшим плодом многолетних исследований Дубнова стал монументальный труд – десяти томная «Всемирная история еврейского народа». Замечу: впервые этот труд был опубликован не в России и не в оригинале (на русском языке), а в переводе на немецкий, в 1925-1929 годах. В оригинале он вышел лишь в 1934-1938 годах, причем опять-таки, не в России, а в Риге. Так советские власти мстили историку за беспощадную критику послеоктябрьского режима, о чем речь пойдет ниже.

Дубнов представлял историю еврейского народа как историю еврейского духа. Исследуя многовековые странствия евреев, он на каждом этапе скрупулезно анализирует внутреннюю общественную жизнь еврейских общин, различные религиозные течения, образцы еврейской культуры. На протяжении всего десяти томника Дубнов тщательно исследует, как народ создавал всё новые и новые духовные ценности, ставшие впоследствии достоянием всего человечества.

Дубнов верил, что «нравственный закон властвует в исторической жизни, что нарушение его карается конечной гибелью народа после долгого торжества насилия, а повиновение ему дает народам несокрушимую силу».

Как уже отмечалось, Дубнов предложил светскую концепцию истории еврейского народа. Сам он считал себя агностиком в религии и философии. Стоит в связи с этим отметить его своеобразное отношение к фанатизму: «Есть двоякого рода идейный фанатизм: первый желателен и даже обязателен для человека убеждённого, второй абсолютно вреден. Первый заключается в том, что человек, имеющий определённые убеждения, стремится сообразовать с ними свои поступки. Он требует, чтобы действия человека всегда служили точным выражением его внутреннего кредо... Он должен быть фанатиком своей идеи, оставаясь в то же время толерантным к противоположным мнениям... Но есть другой тип фанатиков: люди, которые, считая свой образ мыслей единственно верным, преследуют людей противоположного образа мыслей, стараются путем насилия и притеснения внушить веру в то, что они сами считают истиной. Такой фанатизм, даже будучи искренен, вреден и подлежит искоренению».

Не будучи религиозным, Дубнов высоко ценил вклад религии в сохранение и развитие евреев как нации. Он считал иудаизм плотью еврейской культуры. В отличие от

многих историков, считавших и считающих, что Библия состоит сплошь из легенд, он доказывает, что в ней отражены многие исторически достоверные события. Ярко, образно он рисует такие исторические личности, как родоначальник евреев – Авраам, величайший пророк и национальный герой Моисей, иудейские цари Шаул, Давид, Соломон. Дубнов не только декларирует свое отношение к библейским героям как к реально существовавшим личностям, но логически обосновывает свою позицию.

Вот, например, что пишет историк о Моисее: «Моисей является героем священной легенды, но сама личность его, ограниченная реальными возможностями проявления гения, отнюдь не легендарна, не поэтический вымысел или миф, как многие думают... Эта личность должна быть признана исторической реальностью в пределах естественного проявления её сил. Веками слагавшаяся легенда приписывала Моисею заслугу всего социального и духовного строительства нации, которое в действительности длилось веками; она до крайности расширила объём его дела, не могла выдумать его личность и самую основу его дела».

Создавая свой масштабный труд – «Всемирную историю еврейского народа», Дубнов проштудировал и подверг критическому анализу тысячи литературных источников. Он признавался: «Пишу десятки страниц, а перечитываю для них десятки томов». Он использовал все новейшие для своего времени свидетельства археологических раскопок. Свою оригинальную концепцию истории еврейского народа Дубнов выработал в острых дискуссиях со своими знаменитыми современниками – Ахад Гаамом, Х.Н. Бяликом, Бен Ами и др.

Чтобы дать представление о богатстве и новаторстве главного труда Дубнова, пришлось бы цитировать весь десятитомник. Мне же остается ограничиться лишь кратким анализом этого монументального труда и сослаться на его оценку современниками: после выхода в свет «Всемирной истории еврейского народа» Дубнов получил неофициальный титул «главного историка еврейского народа».

Дубнов – общественный деятель

Дубнов время от времени жаловался, что общественная деятельность отрывает его от главной работы. Однако, по своему характеру, он не мог оставаться кабинетным учёным, общественная деятельность была ему органически близка и дорога.

Как общественный деятель Дубнов всю жизнь боролся за гражданские и политические права евреев.

Будучи членом Общества по распространению просвещения между евреями в России, он боролся за создание национальных еврейских школ и написал для них специальный «Учебник еврейской истории для школ и самообразования». Интересна судьба этого учебника. Две первые его части благополучно прошли царскую цензуру. Третью же часть цензор не пропустил для употребления в школах. Его записка, где подробно мотивирован отказ, пронизана юдофобством. «Ученый» рецензент, - пишет в своих воспоминаниях Дубнов, - обвинял автора в «пристрастной характеристике еврейского народа» и «одностороннем изображении событий еврейской истории», поясняя это следующими примерами: «Преследование евреев в средние века объясняется автором не пороками и недостатками евреев, а завистью христиан к их образованности и промышленным способностям»; «Он (автор) старается выставить в преувеличенном виде заслуги евреев и умалчивает или упоминает в общих выражениях о тёмных сторонах их деятельности, объясняющих враждебные отношения к ним народов». Министерский юдофоб поставил мне в вину то, что я назвал Маймонида и других еврейских мыслителей «знаменитыми» или «великими»; что в обзоре новейшей истории я позволил себе «неуместную критику мер русского правительства, относящихся к евреям»; что я назвал дело Дрейфуса «роковой судебной ошибкой», между тем как «преступник вторично

осуждён и только помилован»; что «автор с сожалением упоминает об ассимиляции евреев с коренным населением» и т. п. Так и осталась третья часть моего «Учебника» запрещенною для школ, и её употребляли нелегально».

В первые же дни после кишинёвского погрома 1903 года Дубнов развернул активную деятельность с тем, чтобы заставить власти наказать погромщиков и в дальнейшем не допускать подобного насилия против невинных, безоружных людей. Для этого, в частности, была послана в Петербург, к Министру внутренних дел Плеве, делегация видных еврейских общественных деятелей. Однако власти Петербурга, как и следовало ожидать, остались глухими к требованиям еврейских активистов. Более того, царская цензура не пропускала в печать ни одного материала, объективно освещавшего кишиневскую трагедию. Тогда Дубнов и его соратники призвали евреев российских городов создавать еврейские отряды самообороны, чтобы «снять, как писал он, с еврейских масс позор смерти без сопротивления».

Небезынтересны детали, как распространялось воззвание. Ни одна газета, естественно, не могла его напечатать. Авторы решили прибегнуть к «самиздату». В целях конспирации было решено написать воззвание по-древнееврейски. Там было дано психологическое объяснение совершившемуся: в течение многих лет русские массы, наблюдая действия высшего правительства и местных органов власти по отношению к евреям, прониклись убеждением, что евреи не только бесправны, но и беззащитны; в Кишиневе это подтвердилось; нужно поэтому показать озверелым толпам, что если правительство нас не защищает, мы сами готовы к защите своей жизни и чести, что нельзя на нас нападать безнаказанно, а для этого мы должны везде организовать отряды самообороны.

Воззвание было отпечатано в паре сот экземпляров на гектографе и рассылалось еврейским общинам, по адресам раввинов и знакомых общественных деятелей. Из осторожности оно было подписано анонимно: «Группа еврейских писателей». Конспирация была, очевидно, не самая строгая: министерство внутренних дел легко узнало о призыве «группы еврейских писателей, и Плеве тут же разослал циркуляр, оповещавший всех губернаторов о запрещении евреям устраивать кружки самообороны. Тем не менее, такие кружки во многих местах создавались молодежью различных партий. Боеспособность этих кружков была в скором времени, в конце лета, доказана в гомельском погроме. Напомню ещё одно событие, которое потребовало от Дубнова проявления общественной активности.

После октябрьского поворота 1917 года Дубнов требует, чтобы еврейские организации публично осудили произвол новых властей. В докладе на Еврейском съезде, состоявшемся в Петрограде в январе 1918 года, Дубнов заявил, что «кроме своих прямых задач съезд должен определить свое отношение к общему политическому моменту, к грубому самодержавию большевиков, которое подвергает опасности политическую и гражданскую свободу, а не только национальную. За это нас (на съезде) могут разогнать, как разогнали российское Учредительное собрание, но мы постараемся умереть не так бесславно, как оно».

Дубнова всю жизнь волновало будущее еврейского народа, проблема сохранения еврейства с его языком и многовековой духовной культурой. Он решительно выступал против ассимиляции, усиленно подчеркивал необходимость бороться «против самой допустимости требования, чтобы евреи ради достижения гражданских прав отреклись от своих прав национальных». «Еврейский духовный или культурно-исторический национализм, — указывал Дубнов, — не противоречит общегражданским обязанностям различных частей еврейства в различных государствах... Евреи везде образуют не государство в государстве, а нацию среди наций». Как духовная или культурная нация, еврейство не стремится «ни к территориальному, ни к политическому обособлению, а

только к общественной и национально-культурной автономии», к «признанию исторической и психологической необходимости национальной эволюции еврейства и отстаивания своей автономности во всех сферах жизни».

Национальная судьба еврейского народа, естественно, волновала не только Дубнова. Можно сказать, что вся общественная деятельность еврейской интеллигенции была сосредоточена на этой проблеме. В подходе к её решению на рубеже XIX- XX веков сформировались три основных течения в еврейском национальном движении: территориализм, автономизм и сионизм.

Территориалисты стремились к искусственному созданию автономных еврейских поселений на любой подходящей для этой цели территории. В качестве таких территорий фигурировали Уганда, Ангола, Киринаика, Месопотамия, а также Австралия, Мексика и множество других мест. Однако все попытки создания еврейских автономий вне Палестины потерпели крах.

Сионисты, как широко известно, ставили своей целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине – Эрец-Исраэль.

Концепцию автономизма предложил и отстаивал Семен Дубнов. Вспомним, что на рубеже XIX - XX веков, когда общественная деятельность Дубнова достигла наивысшего уровня, в Российской империи проживало свыше 5 млн. евреев. Для того чтобы сохранилась эта крупнейшая в то время еврейская община, и не просто сохранилась, но жила полнокровной духовной жизнью, развивала и обогащала многовековую культуру мирового еврейства, нужна была, по Дубнову, особая, специфическая форма организации общины. Такой формой он считал национально-территориальную автономию. Основой национальной автономии, по Дубнову, должна быть не религиозная, а национальная община, обладающая своей системой институтов: культурных, школьных, филантропических. Дубнов полагал, что все общины должны образовать союз, который будет иметь свое представительство в высших государственных учреждениях. Это, по его мнению, обеспечит «внутреннее возрождение еврейства в диаспоре». Однако революционные потрясения в России перечеркнули его надежды.

В период разработки своей теории еврейской автономии Дубнов с настороженностью относился к сионизму, считая его политическим мессианством. Тем не менее, он никогда не выступал против развития еврейского национального образования в Палестине.

В 20-е годы, после краха автономизма в России и реализации идеи сионистов о национальном очаге в Эрец - Исраэль, Дубнов всё больше стал склоняться к концепции двух параллельных и равноценных путей развития мирового еврейства: в диаспоре и в Эрец-Исраэль. Кстати, это характеризует Дубнова как учёного, восприимчивого к новым идеям, если они в большей мере, чем прежние, отражают действительность. И это – не единственный пример. Дубнов никогда не боялся корректировать свои взгляды, пересматривать отжившие философские, исторические и общественные концепции.

Семена Дубнова называют певцом галута (диаспоры). Учёный определил еврейский народ как народ, чьим домом является весь мир. Он верил в то, что даже после создания очага в Палестине значительная часть евреев будет жить в диаспоре. Существование диаспоры, по его убеждению, всегда способствовало и будет способствовать сохранению евреев как нации. «Велико горе рассеяния еврейского народа, - писал он, - но и велико благо рассеяния еврейского народа. Если бы еврейский народ, подобно другим, был прикреплен к одной земле, он был бы уничтожен вместе с территорией».

Дубнов – мемуарист

Дубнов с юных лет регулярно вёл подробный дневник и впоследствии на его основе издал три тома мемуаров под названием «Книга моей жизни». Этот труд справедливо

называют энциклопедией еврейской общественной и культурной жизни в России в течение последних четырех десятилетий XIX и первых десятилетий XX веков.

«Книга жизни» – это сплав публицистики и художественной прозы. В ней находим образное и достоверное описание социально-экономической и духовной жизни евреев России на протяжении нескольких десятилетий.

С захватывающим интересом читаются страницы, посвящённые детским и юношеским годам автора, его формированию как историка, становлению русско-еврейской интеллигенции в 70-80-годах 19-го века. Вот, например, как Дубнов описывает свои чувства в связи с выходом в свет его первой статьи по еврейской истории: «В середине апреля 1881 г. из дома на углу Измайловского проспекта и Троицкой площади в Петербурге, где находилась редакция «Русского еврея», вышел молодой человек со свежим номером этого еженедельника в руках. Здесь напечатана была первая глава его первой большой статьи «Несколько моментов из истории развития еврейской мысли». Юный писатель повернул на набережную Фонтанки и на ходу поминутно заглядывал в заветные строки своего литературного первенца с тем радостным волнением, с каким юная мать всматривается в черты своего новорождённого младенца. Начинающему писателю казалось, что он призван возвестить русскому еврейству новое слово, евангелие свободомыслия».

Бесценны воспоминания Семена Дубнова о революционных потрясениях в России в 1917-1918 годах. Находясь в эти годы в Петрограде, он был живым свидетелем грозных и трагических событий. Его уникальные записки, по скрупулёзности описания событий и эмоциональному воздействию на читателя, можно сравнить со знаменитыми воспоминаниями Ивана Бунина «Окаянные дни».

С. М. Дубнов с самого начала неприязненно отнёсся к октябрьскому перевороту, назвав его «чудовищным всероссийским погромом, именуемым октябрьской революцией».

В начале 1918 года историк записывает в своем дневнике: «Кровь, голод, холод, тьма – вот под каким знаком вступаем в новый год. Третьего дня улицы Петербурга обагрились кровью участников мирной манифестации в честь Учредительного собрания: их расстреливала армия большевиков. Единственное заседание Учредительного собрания прошло под штыками озверевшей солдатни; вчера уже депутатов не впускали в Таврический дворец, а сегодня вышел декрет Совета народных комиссаров о роспуске собрания. В Петербурге уличные грабежи и убийства днем и ночью. По вечерам опасно выходить: снимают одежду, отнимают деньги, часы, избивают запоздалых путников».

Дубнов как историк еврейского народа не может не оценить октябрьский переворот и с "еврейской" точки зрения. Русские националисты до сих пор утверждают, будто октябрьский переворот – дело евреев и для евреев. А вот свидетельство непосредственного очевидца тех далеких событий: «Открытая погромная агитация против евреев в Петербурге, Москве и других городах. Об этом говорят в очередях у лавок, на улицах и в трамваях. Народ, озлобленный большевистским режимом, валит все на евреев... Сегодня прочёл случайно дошедшее описание резни в Новгород-Северске: вырезано около полусотни неповинных евреев (19 апреля)... До чего мы дожили! Красная армия с душою прежней "черной сотни" льёт нашу кровь, а скоро это повторится уже под открытым черносотенным флагом, по обвинению нас в большевизме и в погублении России... Мы гибнем от большевиков и погибнем за них (запись в дневнике от 10 мая 1918 года). Историк не только живо описывает наблюдаемые им события, но и тщательно фиксирует деятельность еврейских партий и организаций того периода, роль евреев в революции, воздействие нового режима на духовную жизнь еврейского населения России.

Неудивительно, что Дубнов был рьяным противником участия евреев в революции. Евреев, примкнувших к верхушке большевистского переворота, он назвал ренегатами

еврейства. Дубнов пророчески предвидел: «Нам (евреям) не забудут участия еврейских революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и другие заслонят его самого. Смольный называют втихомолку "центрожид". Позднее об этом будут говорить громко, и юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не простят. Почва для антисемитизма готова».

Дубнов с редкой прозорливостью предсказывает, что общество, построенное на отрицании общедемократических принципов, неизбежно рано или поздно придет к возрождению крайних форм национализма, к государственному антисемитизму. Он одним из первых понял, что национальная еврейская жизнь в России будет уничтожена.

На своём жизненном и творческом пути Дубнов встречался со многими выдающимися еврейскими общественными деятелями, писателями, философами. Среди них были классики еврейской литературы – Шолом-Алейхем и Менделе Мойхер-Сфорим, поэты Хаим Нахман Бялик и Семен Фруг, писатель Бен Ами, философ Ахад Гаам др. В «Книге жизни» находим порой лаконичные, порой более детальные, но всегда живые, яркие портреты этих людей.

С Шолом-Алейхемом Семен Дубнов впервые познакомился заочно. Прочитав в 1886 году в еврейском журнале рассказ писателя – «Дос месерл» («Ножик») (это было первое печатное произведение Шолом-Алейхема), Дубнов опубликовал на него в «толстом» русско-еврейском журнале восторженный отзыв, предсказав, что «сочинитель даст ещё много хороших вещей для бедной еврейской литературы». Вскоре писатель и критик встретились лично. Это было время, когда Шолом-Алейхем продолжал играть на бирже, но быстро терял наследство, доставшееся ему от богатого тестя. Вот как Дубнов вспоминает об этой встрече:

«Две недели отдыхал я в Боярке, в получасе езды от Киева, в большой вилле, снятой на лето Шолом-Алейхемом. Тут я впервые познакомился с этим двуликим человеком, в котором одно лицо, писательское, было подлинное, а другое, лицо биржевого игрока, было маскою, которую ему кто-то напялил. С одной стороны, он весь горел жаждою творчества, строил широкие литературные планы и страстно тянулся к той литературной славе, которая слишком поздно улыбнулась ему; с другой стороны, он втянулся в биржевые операции с целью увеличить свой капитал ради осуществления тех же литературных планов и должен был «держаться фасон...». Своему любимому другу – Шолом-Алейхему – Дубнов посвящает в своих воспоминаниях много трогательных страниц.

Любопытен, красочен нарисованный Дубновым портрет другого классика еврейской литературы – Менделе Мойхер Сфорима: «Насколько Менделе был несносен в коллективной дискуссии в комиссии, где он своими импровизациями нарушал ход прений, настолько он был интересен в интимных беседах, где я ему предоставлял возможность вести длинные монологи. В моей памяти встаёт живая картина этих бесед в течение ряда лет. Бывало, соскучусь по старому другу, если долго его не вижу, и направляюсь к нему знакомою дорогой, от приморского конца Успенской улицы, до того конца её, который упирается в Дегтярную улицу, где на углу красуется большое новое здание Талмуд-Торы. Вхожу во двор и поднимаюсь на верхний этаж, где в больших апартаментах живёт заведующий. Абрамович недавно встал после дневного отдыха (большей частью я посещал его около 5 часов), и я застаю его одиноко сидящим за письменным столом в кабинете или у столика за занавеской, отделяющей спальню от кабинета. Он читает или пишет и производит впечатление напряжённо думающего человека. Обыкновенно он уже с первого слова восклицает: «А знаете, о чём я сейчас думал?» — и пойдёт дальше развивать мысль, которая его сейчас занимает. Идёт длинная беседа о высших проблемах жизни или о литературных явлениях, часто пересыпанная воспоминаниями прошлого. Если я его заставлял за писанием, он мне читал очередную главу рукописи, большей

частью главы из «Виншфингерл» и позже из автобиографической повести «Шлойме реб Хаимс». В течение ряда лет он таким образом прочитал мне в рукописи много глав из обоих произведений, кроме мелких рассказов. Вот кончена трех- или четырехчасовая беседа, старик меня еще не отпускает, держит в передней, а в летние дни идет меня провожать, проходим полдороги, я его провожаю обратно, и так тянется время до позднего вечера. Трогательны были наши прощания каждым летом, когда уезжал я из Одессы.

В летний вечер мы прощаемся во время таких взаимных проводов, тут же на улице, и Абрамович мне с чувством говорит: «Трудна мне разлука с вами» (эту фразу он произносил по-древнееврейски: «Кошо олай придосхо»). Мне очень близко было это настроение друга, голова которого всегда полна мыслей, между тем как очень редко находил человека, кому он мог бы их высказать. Он обладал редким свойством, присущим только избранным умам: он мог жить один со своими думами, не испытывая той душевной пустоты, которая заставляет людей бежать от самих себя в толпу; он мог непрерывно беседовать с самим собою, если не было близко родственной души, которой он мог бы поведать свои заветные мысли, искания, догадки и порою гениальные разгадки... Празднуя день своего рождения, Абрамович тщательно избегал упоминания о своем возрасте. Когда кто-нибудь неосторожно задавал такой вопрос «к порядку дня», старик отвечал: «Вот сидит историк, — (указывая на меня), — он знает хронологию, спросите его». Я, конечно, указывал официальную, принятую в литературе дату рождения: 1835 год; в действительности же наш «именинник» был старше, по крайней мере, на пять лет».

Изучая жизнь и творчество Семена Дубнова, я не раз задавал себе вопрос: почему он, владевший до тонкостей богатством народного языка и с беспредельной любовью и преданностью относившийся к идиш, всё же писал свои исторические труды на русском языке. Ответ, как мне кажется, может быть следующим. Семен Дубнов начал свою научную и литературную деятельность в 80-х годах XIX века, когда впервые сформировалась русско-еврейская интеллигенция. Этой интеллигенции, по существу, и были адресованы труды Дубнова; для широких слоев еврейского населения, не имевших достаточного образования, они были ещё малодоступны. Обиходным же языком русско-еврейской интеллигенции в те годы являлся русский язык. Что касается бытописания, то Дубнов утверждал, что идиш имеет преимущество перед другими языками, на которых говорили евреи, так как изображает народную жизнь на подлинном языке этой жизни. Лишь в 20-30-х годах XX века, когда подросло третье поколение русско-еврейской интеллигенции, в повседневном общении говорившее на идиш, научные труды Дубнова стали издаваться и на этом языке.

В завершение хочу привести слова Дубнова, которые словно обращены к нам: «Я всегда думал, что право на писание своих воспоминаний имеют не только писатели, политические и другие общественные деятели, но и каждый интеллигентный человек, который прошёл свой жизненный путь не в обычных условиях смены поколений отцов и детей, а в эпохи культурных переломов и усиленной борьбы между старым и молодым поколением».

Так что: шрайбт ун фаршрайбт! Пишите, всё записывайте!